

Christine

**СИМОНА
ВИЛАР**

ВЕДЬМА И КНЯЗЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

ISBN 978-966-14-1729-7 (PDF)

- © Гавриленко Н. Г., 2006, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2011

Пролог

Ночь в начале зимы выдалась мгlistая, сырая, холод пробирал до костей. В мутном небе луны не разглядеть, свет от горевших у ворот факелов высвечивал то сруб околывратной башни, то лошадиный помет на истоптанном снегу двора, красноватыми бликами падал на столпившихся у ворот стражей в клепаных островерхих шлемах.

В такие ночи нести сторожевой дозор — не самое милое дело. Однако на этот раз охранники не дремали, опершись на копья, не поругивались в бороды, ворча на холод да нерадостную службу. Наоборот, оживленно обсуждали:

— Что же такое это в хоромине делается? Отчего там шумят?

В самом деле, со стороны видневшихся среди тьмы построек доносились голоса, громкие, обиженные, а потом кричать кто-то начал, словно били. Мелькнул свет, стукнуло тяжелой дверью. По ступеням крыльца на двор скатился человек, застонав приглушенно.

Дворовые цепные псы так и зашлись лаем, рвались на привязи. Стражи замерли, наблюдая.

Из терема долетел гневный крик:

— Вон убирайтесь! Все вон! Чтобы духу вашего поганого тут больше не было!

Это был голос самого князя Глеба. Стражники переглянулись. Отчего это их спокойный, даже смиренный Глеб так разошелся в ночную пору?

От построек опять послышались крики:

— Бога побойся, княже! За что обиду нам творишь? Креста на тебе нет.

— Да пошли вы с вашим... С вашим крестом!..

Князь самолично появился на крылечке: высокий, худой, свободная рубаха съехала наискось.

— Убирайтесь! И благодарите своего распятого, что еще псами не велю вас травить!

Даже не кликнув челядь, князь сам вцепился в державшего за створку двери человека в длинной черной одежде, отодрал от дверного косяка и вытолкнул взащей туда, где еще постанывал на снегу первый.

Стражники у ворот удивились:

— Неужто это Глеб христиан своих изгоняет?

В такое и поверить трудно, если вспомнить, как прежде тут христиан привечали, какой почет им князь оказывал, как молился перед привезенной иноземцами иконой, поклоны бил. Ныне же гонит. Сам гонит...

На галерее хоромины замелькал свет факелов, появились челядинцы князя, тоже тащили упирающихся людей в длинных черных одеяниях. Кое у кого слабо светлели большие кресты на груди. Всклокоченные, в сползших на лица островерхих куколях, изгоняемые, оставив обычную сдержанность, вопили, сопротивляясь. Князь собственноручно столкнул еще одного с крыльца, выпихивал следующего. Челядь хохотала, кому-то из христиан дали в зубы — тот только покатился по ступеням под гогот собравшихся.

Христианских миссионеров было семеро, все больше иноземцы, пришедшие на Русь проповедовать о сыне плотника, оказавшемся истинным Богом. К их рассказам прислушивались с интересом, хотя не слишком привечали. Зато князь Глеб поддался речам проповедников, даже крестился, обещал и церковь христианскую в Новгороде поставить. Но чтобы так вдруг...

— Это чародейка его подучила, — догадался один из охранников, указав рукой в варежке на появившуюся на крыльце высокую девушку. Та довольно улыбалась, теребя переброшенные на грудь длинные светлые косы.

— Ее происки, не иначе. Однако нам-то что? Князь гонит — нам отворяй ворота.

Стукнули засовы, скрипнув в пазах.

А князь Глеб все лютовал:

— Чтoб ноги вашей у меня не было! Я и из Новгорода велю вас гнать. Чтoб не поганили больше словенский край, морок да беду на люд не насылали.

Один из христиан, высокий иноземец с длинной черной бородой, шагнул было к князю, заговорил с заметным акцентом:

— Мы разумеем, что не своей волей действуешь, раб Божий Глеб. Обморочили тебя да одурманили. Ничего. Наше святое дело не пропадет. Рано или поздно чары спадут. Мы же молиться за тебя будем.

Под злобные выкрики, глoхнувшие среди собачьего лая, христиане отходили к воротам. Сам князь их гнал, мечась от одного к другому, выталкивая в шею. А тут еще светлокосая девица с крыльца громко захохотала. И такое злорадное торжество было в ее голосе, так пронзителен был ее смех, что некоторые челядинцы стали делать охранительные знаки, хвататься за обереги.

— Ведьма! — произнес кто-то в голос, да так, что и другие услышали.

А бородатый христианин даже шагнул к ней, уворачиваясь от князя.

— Да падет на тебя проклятие, чародейка! Да оставят тебя все, кто тебе дорог, да познаешь ты беды и гонения...

Больше сказать ничего не успел, ибо князь неожиданно ударил его кулаком наотмашь. И с такой силой!.. Откуда и взялась-то она у тщедушного Глеба?

Князь стоял над поверженным миссионером, потрясая кулаками.

— Молите своего Бога, что я еще добр. А не то... Не убежитесь через миг — всех велю порешить! Клянусь в том Перуном¹ могучим!..

¹ Перун — языческий бог древнего славянского пантеона, громовержец и податель воинской удачи.

Сказано это было так твердо, что христиане уже не мешкали. Причитая и всхлипывая, выходили в темную ночь из полураскрытых ворот.

Князь еще стоял посреди двора, тяжело дыша. Потом медленно повернулся, посмотрел на светлокосую чародейку. Люди отошли от нее, она стояла одна, освещенная светом факелов, — статная, с ниспадавшей на темные очи длинной челкой. Князь же глядел на нее не отрываясь.

— Любо ли тебе все это, душа моя? Все по твоей воле, все как скажешь.

Голос у князя, еще прерывистый после недавнего волнения, звучал умоляюще. И люди отводили взоры, отступали, словно стыдясь видеть, как их господин заискивает перед этой... Да и кто она? Откуда взялась-то?

— Полюбишь ли меня теперь? — молил Глеб.

Но та и бровью не повела, устремив взгляд туда, где за последним из христиан охранники захлопывали створку ворот, вбрасывая в пазы тяжелый брус. В свете мечущихся огней было видно ее лицо, блеснули в улыбке зубы. В глазах же... Люди потом поговаривали, что желтым отсветом сверкнуло в темной глубине ее глаз.

— Любить тебя, Глебушка? Поглядим, поглядим. Ибо еще не все дела мои окончены.

И пошла в глубь хоромины среди опасливо расступавшейся челяди. На понуро шедшего за ней князя Глеба больше и не глянула.

ГЛАВА 1

944 ГОД

Новгородское вече — это нечто особенное. Студневый¹ морозный воздух, толпа на площади, возбужденные споры, выкрики, толчея. Городские бирючи² то и дело принимаются стучать в било, призывая народ к порядку, однако общее оживление, возможность показать себя да высказать свои чаяния заводили толпу, и люди шумели, чего-то требовали, отталкивая один другого, чтобы ближе протиснуться к вечевой степени³, где стоял прибывший в Новгород великий князь Руси Игорь Рюрикович.

Князя окружали бояре и старшины городских концов.

— Видишь, княже, каково дело тут, — говорили они. — Давно бы тебе следовало явиться в свою северную столицу да разобраться, что к чему. А то народ совсем ошалел от самоуправства.

Стоявший немного позади Игоря воевода Асмунд поглядывал на князя с опаской. Не нравилось ему спокойствие князя. Асмунд еще со времен Олега Вещего знал Игоря, знал его натуру: не в гневе он страшен, а когда вот так спокоен

¹ Студень — январь.

² Бирюч — чиновник, в обязанности которого входило объявлять народу приказы властей; глашатай.

³ Вечевая степень — возвышение на площади, откуда произносили речи.

среди всеобщей суеты. За этой сдержанностью скрывается тихий гнев. А гневаться Игорю на новгородцев сейчас, когда он готовит новый поход и ему необходимо спокойствие внутри державы, никак нельзя. Поймет ли это князь? Без мудрых советов жены, княгини Ольги, он мог порой и норов показать. А это сейчас ох как некстати.

Новгородцы же словно чуяли все. Вообще здесь, на севере Руси, люд был бойкий, шумливый. Не боялись и князю свое недовольство высказывать, указывая на то, с чем не согласны. Кричали так, что только пар летел из открытых глоток в морозном воздухе:

— Пошто нам в пояс кланяться варягам пришлым да мыта¹ с них не брать?! Неужто ты, князь, удумал варягов над словенами² поставить? Позабыл, что именно мы, словене, отца твоего некогда к себе покликали править на наших условиях? И если не по нам что будет — можем и за моря прогнать. Бывало уже такое, старики сказывали.

— А пошто мерянские и чудские племена³ от дани освободил? Такого и Олег себе не позволял. И что же это получается, братцы? Теперь любой чудин белоглазый себя едва ли не выше новгородца почитает, раз воля ему дана!

— Верно! Князь все богатство Руси в Киеве копит, только запомнил, поди, что именно здесь, в Новгороде князья-то поднялись. И Рюрик Белый Сокол, и Олег Вещий. Да и сам ты, князь, не тут ли родился, не тут ли тебя растили, берегли, чтобы ты потом родину-то позабыл, думая лишь о Киеве?

Игорь возвышался над толпой, озирая ее соколиным взором. И только то, как он сжимал пояс из наборных блях, опоясывавший полушубок, выдавало его напряжение. Внешне же Игорь оставался спокоен. Синие глаза его быстро перебегали с одного лица на другое, ноздри тонкого носа трепетали.

¹ Мыто — налог, взимаемый за право проезда и торговли.

² Словене — северное древнеславянское племя с центром в Новгороде.

³ Меря, чудь — угро-финские племена, проживавшие на севере и востоке от Новгорода.

Из-под пышной черно-бурой лисьей шапки на плечи князя падали слегка волнистые длинные волосы под цвет черно-бурки — темные, с обильной проседью, короткая холеная бородка была тронута сединой. Был князь Игорь высок и статен, широк в плечах — перед таким впору стан гнуть да скидывать шапку, а он стоит перед толпой разгоряченных новгородцев, как юнец, которого отчитывают.

За Игорем, едва ли не посмеиваясь довольно, стоял его родич Псковский князь Володислав, женатый на сестре Игоря Предславе. Предслава родилась уже от второго брака его матери Эфанды, вдовы Рюрика. Сам же Володислав происходил из местных, кровь в нем была словенская, а Псковское княжество получил вместе с рукой Предславы. И был Володислав честолюбив сверх всякой меры, мечтал даже, чтобы недовольные Игорем новгородцы вообще прогнали варяга, и тогда придет время Володислава встать над Северной Русью, вокняжиться с родом своим на веки вечные.

— Что ж ты молчишь, Игорь-князь? — чуть тронул князя за плечо Володислав, поглядывая на рослого Игоря снизу вверх. Ростом Предславин муж не вышел, зато спеси — хоть отбавляй. В голосе дерзкие интонации проскальзывают: — Отвечай людям, когда всем миром за обиды спрашивают!

Игорь только плечом повел, сбрасывая руку родича. Шагнул вперед, поднял десницу¹. И вече, шумевшее до сего момента, вмиг стихло, как отхлынувший от берега прибой.

— Глоток у вас много, новгородцы, — начал князь, — спрашивать можете и до сумерек. Мне же каждому отвечать недосуг, да и не княжье это дело. Вот вы скликали вече, меня к ответу призываете, а только о том не подумали, что уже немало лет живете в мире и покое, забыв, как прежде те же варяги били вас, как сами родами на роды шли, не ощущая над собой сильной власти. А ныне, получив мир и порядок, норовите над властью подняться да с князей своих спрашивать. Могли ли я вас за то к ответу призвать да покарать, как некогда князь

¹ Десница — рука (обычно правая).

Олег карал за своеволие? Отвечу — мне это раз плюнуть. Однако, несмотря на все укоры, не забыл я, что родина моя тут. Потому и отвечу. Вы недовольны, что на этот год я варягов беспошлинно впустил? В том больше мне да казне государственной убыток, а то, что вы в торге своего не упустите, — и у ведунов гадать не надо. А мир с варягами да и приток их нынешний на Русь нужны мне теперь особенно. Сами знаете, что рать собираю, варягов кличу под себя, дабы за бывлые поражения и обиды с ромеями¹ поквитаться. Потому и северные племена не тронул. Мор и недород у них был прошлым летом, а им подняться надобно. Да к тому же хочу ими дружину свою пополнить, ибо земли на полудне² после походов обезлюдели, воев не стало, а рать все одно собирать надо. Причем большинство витязей для дружины я не в Новгороде, а под Смоленском собираю. И уж если смоленцы терпят их постой и не жалуются, то отчего же вы, люди моего родного города, бучу учиняете да поклеп на меня возводите, причитая, как старухи у колодца над разбитым кувшином?

Вече притихло, слушая, как князь перед ними отчитывается да в свои государевы дела посвящает. Со своего места Игорь видел внимательные глаза, море торсов и высоких меховых шапок, видел пар, поднимающийся над присмирившей толпой от дыхания множества людей. Нет, он все же любил свой народ, по недомыслию дерзкий и строптивый, однако уважительный и понимающий, когда с ними говоришь по-хорошему.

Асмунд за его спиной даже одобрительно крикнул. Ишь, укротил свой норов Игорь Рюрикович, а то Асмунд уже побаиваться начал, как бы в ярости не повелел разогнать толпу нагайками. Но тут все дело испортил Володислав Псковский.

— Пусть-ка лучше князь поведает нам, отчего он все о походе на Царьград думу имеет, когда городам нашим не победы и войны, а мир да торг с ромеями нужны.

¹ Ромеи — римляне, так называли себя византийские греки.

² Полдень — юг.

В толпе тотчас загудели. Игорь быстро оглянулся на Володислава.

— Что-то не припомню, чтобы много стругов от Пскова на полдень в прошлые годы хаживало. Вы все больше в Варяжское море¹ устремляетесь. С варягами же у нас ныне мир, как никогда ранее. Это ли вам не любо?

Но по толпе уже пошел ропот:

— Наш удел князя не волнует. Все на полдень рвется. А в Новгород, бывает, и не явится в какой год. Что князю нужды наши, если ему Киев люб?

Игорь даже ногой в посеребренном сапожке топнул.

— Во имя всех богов!.. Али совсем у вас разум помутился, новгородцы! Как же я про вас не пекусь, как не почитаю вас, если сына своего старшего вам в князья дал?

Кажется, против такого и сказать ничего нельзя, да только потупились люди на вечевой площади, переглядываться стали. Наконец вперед вышел старшина одного из городских концов.

— Говоришь, княже, ты вроде все верно. И мы учли твою волю, когда ты над нами сына своего Глеба князем поставил. Да вот не ведет себя с нами как князь Глеб Игоревич. Уж мы и послов к нему засылали, и на пиры-братчины кликали, и ни разу вече не созывали, не поставив его о том в известность. Но только нет ему дела до Новгорода. Живет князь Глеб у себя в Городище², а к нам и носа не кажет. То с христианами дела водит, постится да молится, а то чародейкой некой увлекся, слушает во всем эту Малфриду, забыв ради нее как христиан ранее почитаемых, так и нас, народ свой. Вот и приходится нам чаще к Володиславу Псковскому обращаться, если нужда придет. И порешили мы тут...

Говоривший замялся, оглянулся на толпу. И приободрясь от устремленных на него взглядов и согласных кивков, продолжил:

¹ Варяжское море — Балтийское море.

² Городище — так называемое Рюриково Городище — в трех верстах к югу от Новгорода большая усадьба, где жили князья, правители Новгорода.

— Станем челом тебе бить, княже, да просить, чтобы Глеба оставил в покое с его чародейкой. Нам же иного князя дай. Володислава того же. Родич он как-никак твой, оттого и обиды тебе в том не будет. Так ли говорю, новгородцы?

В толпе одобрительно загудели, раздались возгласы:

— Володислава на княжение! Володислава и княгиню Предславу. Любы они нам!

Асмунд покосился на Володислава, заметил, как тот бороду оглаживает, словно хочет скрыть довольную улыбку. Не иначе как сам и научил народ, о чем с князем на вече говорить. А потом и другая мысль пришла воеводе: о какой такой чародейке люди бают? Неужто о той, которая... И задохнулся, поняв, что это для Игоря может значить.

Игорь же стоял, будто онемев. Вече шумело, а он застыл, глядя прямо перед собой. Потом медленно стал поворачиваться к Володиславу. Тот подбоченился, выдержал смятенный взгляд князя Рюриковича.

— Что скажешь народу, княже? Люди ответа ждут.

— А?.. Что?.. — словно приходя в себя, отозвался Игорь. И спросил совсем о другом: — Кто эта Малфрида, о которой упоминали?

Володислав только задвигал темными бровями, соображая, что князю надо. Малфрида? Ну да, есть такая, ответил. Али Игорь в Городище по пути в Новгород не заезжал? Там бы ему многое поведали: и отчего это князь Глеб христианство свое оставил, и отчего пиры-братчины новгородские пропускает, на Думу его и калачом не заманишь. И если прежде его христиане к смирению призывали, то потом явилась эта чародейка Малфрида, заморозила, завлекла...

Володислав не договорил, попятился, когда князь вдруг схватил его за меховой ворот, притянув к себе.

— Так Малфрида в Городище?

Народ снизу наблюдал, как до этого державшийся спокойно князь вмиг изменился в лице и, не простясь с людом, не ответив на последнее столь важное прошение, вдруг кинулся прочь, велел подвести коня.

Уже позже Володислав спрашивал у Асмунда:

— Что это князь как белены объелся, едва про Малфриду узнал?

Асмунд задумчиво покручивал длинный светлый ус.

— Два года тому была у князя некая лада¹, Малфридой прозывалась. Кто такая, откуда? Никто не ведает. Да только была она нашему князю, что солнышко по весне. Все нарадоваться на нее не мог, наглядеться не успевал. Крутила она им так, как даже княгине Ольге не удавалось. Вреда в том особого не было, если не брать в расчет, что негоже князю да мужу в летах настолько девкой увлекаться. Ну а после сгинула эта Малфрида, как и не было ее. А князь затужил. Пил много, тосковал. Потом прошло. Да видать, не совсем: как только услышал имя Малфриды, так и кинулся ее искать. А эта Глебова Малфрида, она кто?

Володислав больше не слушал. О другом думал. Он-то уже размышлялся княжью шапку примерить, с народом толковал, уговорились почти. А тут Игорь умчался, так ничего и не ответив. Может, вече и без князя выберет себе удобного? Да только люди, озадаченные странным поведением правителя, уже начали потихоньку расходиться. В пылу они свое князю высказали, пар выпустили, теперь же все больше о повседневных делах заботились — о кузнях оставленных, торговых лотках. Студень — не тот месяц, чтобы годящиеся для трудов дни понапрасну терять. Пошумели, покричали, душеньку потешили — теперь самое время и о делах вспомнить. Володислав хмуро глядел на них, понимая, что подходящий момент упущен. Что ж, он еще своего добьется. Отступать не намерен.

А Игорь тем временем уже подъезжал крупной рысью к чаштоколам Рюрикова Городища. С дозорной вышки князя заметили еще издали, поспешили отворить ворота. Игорь быстро въехал во двор, бросил поводья подскочившему холопу, огляделся. Здесь немало изменилось со времен его

¹ Лада — так на Руси называли возлюбленных, по имени богини любви и нежных чувств Лады.